

Глеб Карпинский

ПАПА, НАПИШИ
О ЧУПАКАБРЕ!

ДЕРЕВЕНСКИЙ ДЕТЕКТИВ

Глеб Карпинский

Папа, напиши о Чупакабре!
Деревенский детектив

«Издательские решения»

Карпинский Г.

Папа, напиши о Чупакабре! Деревенский детектив /
Г. Карпинский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-506376-2

«Папа, напиши о Чупакабре!» — это необыкновенная юмористическая история наших дней, повествующая о летнем отдыхе семьи успешного московского писателя на одном из южнорусских хуторов. Столкнувшись с нравами местных жителей, он еще к тому же теряет смартфон вечно недовольной жены и ведет самостоятельное расследование вместе со своей двенадцатилетней дочерью. Чем все это заканчивается, Вы узнаете в этой книге.

ISBN 978-5-00-506376-2

© Карпинский Г.
© Издательские решения

Содержание

1. Как примерно все начиналось	6
2. Неприятности на почте	9
3. Как я ждал дочку	13
4. Как мы потеряли смартфон	16
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Папа, напиши о Чупакабре! Деревенский детектив

Глеб Карпинский

Редактор Ирина Карпинская

© Глеб Карпинский, 2019

ISBN 978-5-0050-6376-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Автор из гуманистических соображений не приводит точек геолокации, где произошли эти немыслимые события, не указывает ничьих конкретных имен и вообще никого ни в чем не обвиняет. Так что любое совпадение чисто случайно.

1. Как примерно все начиналось

Мы как раз крушили на глазах дочери очередной сервиз, выясняя, куда же лучше поехать на эти летние месяцы, когда мобильник жены вдруг затрещал, а на его дисплее показалось умиротворенное лицо странного человека с заплетенным хвостом волос.

– Здравствуйте, дети мои. Опять за старое? Дулевский фарфор всегда ждет от Вас новых заказов, – сказали насмешливо эти намащенные губы, уплетая что-то довольно аппетитное, и я узнал по громкому чавканью нашего старого друга семьи, отца Даниила.

– А разве завод не обанкротился? – удивился я, держа в руках последнюю раритетную тарелочку.

– Милостью Господа нашего спрос на его продукцию огромен, – вытерли жирные руки о густую рыжую бороду. – А теперь отложите обиды свои, дети мои, и присядьте вон на тот полосатенький диванчик. Послушайте, что я вам скажу...

Мы, больше озадаченные, чем послушные, присели на диванчик, на который нам указали, причем наша двенадцатилетняя Настя плюхнулась радостная между нами, и, положив одновременно все вместе ладони на колени, принялись слушать с замиранием сердца все то, что скажут елейные речи человека, обладающего отличным даром убеждения.

Стоит сказать, что отец Даниил, будь он не ладен, года два назад получил назначение сельским священником где-то в одной из южных провинций и жутко скучал по «нормальным людям», как он неформально и льстиво выразился о нас, москвичах. Его неожиданное предложение погостить у него «на югах» стало своеобразным компромиссом, и мы, недолго думая, переглянулись, часто моргая глазами, и согласились.

Помню в тот злополучный день, буквально за час до звонка этого дьявола-искусителя, я больше склонялся рвануть в Магадан к теще, а супругу пленили Канары. Спор принимал нешуточный оборот, и я даже в каком-то истерическом припадке заорал тогда Михаила Круга.

– Магадан – значит, опять домой, в этот волшебный сон... Магадан...

Но моя женушка Катя – дипломированный специалист веб-семинара «Все мужчины – гады, и как избежать их манипуляций», не привыкла сдаваться без боя. Она с видом гурмана-садиста вывела на всю мощность «Despacito» и принялась выделять такие кренделя и па, что Luis Fonsy рухнул бы с дуба.

– Pasito a pasito, suave suavecito,

Nos vamos pegando, poquito a poquito

Cuando tú me besas con esa destreza

Veo que eres malicia con delicadeza....

(Шаг за шагом, тихонько-тихонько, нас затягивает полегоньку. Когда ты так целуешься классно, я понимаю, что жизнь не напрасна).

Так что дочка наша, ярая поклонница рэпера Тимати, просто закрыла уши и смотрела на своих родителей, как на умалишенных, подпевая «Плачут небеса о любви и мечте, плачут небеса о тебе, о тебе».

Все это дурдом—шоу «Кто громче» подходило к логическому финалу, так как перекрыть меня было невозможно, но, несмотря на мою бесспорную победу, Катя в самый последний момент применила свой коронный удушающий прием. Не в смысле, что на меня внезапно набросились и придушили, хотя может быть это было бы лучшим решением в той ситуации... Просто она демонстративно заперлась «ненадолго» в ванной, хлопнув при этом дверью так, что с потолка посыпалась штукатурка.

Потом, когда доиграл весь альбом моего союзника и у меня окончательно не порвались связки, она явилась к нам в комнату в обворожительном купальнике от Ameria.

– Как ты не понимаешь, милый, а еще называешься знатоком женской природы, что всякой нормальной женщине куда комфортнее чувствовать себя, когда в нее брызжут слюной знойные мачо в обтянутых футболках, чем околеть в колымских прериях от суровых взглядов бородатых лесорубов...!

В самый кульминационный момент, когда я сам, того не понимая, собрался прохрипеть «Да, любимая, я сделаю все, что ты пожелаешь», и позвонил отец Даниил, тем самым подтвердив важную и давно забытую истину: «Люди должны шевелить своими мозгами, иначе это будут делать за них другие люди».

– Не хватает впечатлений на новую книгу? Катенька скучает по солнцу? Насте негде покататься на велосипеде? – лил нам в уши елей отец Даниил. – Тогда айда к нам!

Еще тогда я услышал его нервный смешок.

– А где мы там будем купаться? – спросила жена.

– Да, – нахмурился я и повторил ее вопрос. – Где мы будем купаться?

– Да вы что! – воскликнул он так, будто мы попрали его веру. – Не слышали, что ли про горячие источники? Испания отдыхает... На худой конец речушка горная есть. Там пескаррики водятся...

– А где мы будем жить? – неуверенно спросил я, поглядывая с осторожностью на супругу.

Мне почему-то представлялись кибитки кочевников, и моя привыкшая к комфорту жена, мечущаяся по бескрайней степи в поисках двухслойной туалетной бумаги.

– Не вопрос! – заверил нас отец Даниил. – Одна моя послушница призналась мне на исповеди, что сдает недорого хатку на хуторе и может впустить туда добропорядочную семью из трех человек. Это сказочное место, не пожалеете. Приезжайте, заодно отметим твой новый бестселлер, Павлик...

Стоит признаться, уважаемый читатель, что я – тот самый известный писатель эротических романов, которыми зачитывается и заслушивается вся продвинутая культурная масса. К сожалению, связь прервалась, и я не успел уточнить, какую именно из нашумевших книг мой тайный поклонник имеет в виду: «Мой босс из зада» или «Один оттенок желтого карлика»? Но уже скоро, такая возможность представилась мне воочию.

Примерно в конце мая, за тысячи километров от Москвы в нашем распоряжении оказалась допотопная саманная хатка с черепичной крышей. Также к ней в придачу прилагался «огородик», где я, с энтузиазмом человека, наконец вырвавшегося из душного города в деревню, окропил своим потом почти сорок соток векового бурьяна и засадил при помощи ржавой лопаты всю целину кабачками.

Стоит отметить, что мы, жители больших городов, и особенно женщины, помешаны на здоровом питании и крайне привередливы в этих вопросах. Вот почему отправляясь на машине в долгое путешествие, мы всегда забиваем багажник специальной провизией, купленной за бешеные бабки во всяких там Лавках-Лавках.

– А где же цельнозерновая мука? – помню, расстроилась Катя, вот уже со второго раза пытаясь захлопнуть багажник.

Видимо, выращенные где-то под Люберцами помидоры с наклейкой «Эко» желали упаковываться только в виде желе.

– Закажем по интернет-магазину и нам отправят по почте, милая... – сказал я тогда спонтанно.

– А у тебя высокий IQ, – вытерла жена капли томатного сока со своего лица. – И как я сама не догадалась. Может, ты тогда еще почтой и велосипед Насте отправишь?

Я как раз пытался компактно рассовать его детали во всевозможные пустоты в машине.

– Нет, мама, я свой велосипед не доверю никому, – запротестовала наша Настя, активно помогая мне в утрамбовке наших скромных пожитков.

– Может, возьмем лучше самокат, лапочка? – вздохнула тогда жена, пытаясь приласкать свою дочь, но та, при виде новоявленного образа мамы-вампириши, осторожно попятилась назад.

– Самокат я уже положил, – усмехнулся я, озадаченно крутя руль в руке и гадая, что лучше из машины, к чертям собачьим, выкинуть: то ли швейную машинку, запрятанную под пассажирским сиденьем, то ли выглядывающий из бардачка фен.

Но мои преступные намерения были моментально пресечены.

– Даже не думай! – встала в позу жена, облизывая свои испачканные в томате губы.

– Но машина же не резиновая! Надо что-то оставить! – возмутился я. – Какой же велосипед без руля!

– Себя лучше оставь! Заодно ремонт на кухне сделаешь, вот уже два года жду.

– Нет, я папу не оставляю! – обняла меня ласково дочка и заискивающе взглянула в глаза своей мамы. – Как же мы без папы?

– Ничего страшного. Не велика потеря, нового найдем! – все не унималась Катя.

– Шутка шутками, но куда же его всунуть? – начинал уже злиться я, размахивая рулем.

– Да что ты все заладил – всунуть, всунуть, – и Катя больно ущипнула меня за мякоть ягодицы. – Не говори таких пошлых слов при дочери! К багажнику наверх привяжи.

– Это плохая идея, мама! – и дочь вырвала руль из моих рук и прижала его к себе, как любимую игрушку. – Напоминаю Вам, дорогие мои мамочка и папочка, как мы однажды под Воронежем подобным образом уже потеряли чемодан с брюссельской капустой на радость голодающим местным веганам.

– Что ж! Пожалуй, ребенок прав, – согласился я, вытянув губы в попытке поцеловать жену, но тут же получил удар уже от Насти.

– Папа, я давно не ребенок! Мне паспорт через два года дадут.

– Да, правда, – увернулась от меня Катя. – Что ты ее все время ребенком называешь? Ведь знаешь, как она все это болезненно воспринимает, и все свое талдычишь: «ребенок, ребенок...» Мы уже взрослые девочки... Верно, Настенька? Дай поцелую тебя в щечку...

Больше я старался не спорить, ощущая себя между двух огней. Нам предстояло ехать почти сутки на машине. И, несмотря на то, что дорога была хорошая, жми да жми на газ, но мы все в конце пути изрядно устали и, помню, как уже вслух считали последние километры, подгоняя время.

– Широка страна моя родная, много в ней лесов полей и рек... – запел я душевно советскую песню, когда слева и справа от нас, наконец, замелькали зеленые нивы, а на прозрачном, лазурном небе показалась снежная шапка Эльбруса.

Помню еще, как все мы были в диком восторге от винограда, раскинувшего свои буйные лозы на серые от времени жерди, как кружилась голова от предгорного воздуха, как радостно вздрогнуло сердце от раскатистого крика петуха на заборе, и как волновалась душа при виде пасущихся на холмах лошадей. Все эти впечатления нельзя передать словами...

– Папочка, как тут чудесно! – призналась дочь, так и держа при себе руль всю дорогу.

Мы только что нашли ключи от хаты в дупле ореха и отворили калитку с каким-то смакующим ожиданием волшебства, все еще очарованные красотой и первозданностью окружающей нас природы.

– Неужели так еще живут? – опомнилась вдруг жена, которую уже начинал пугать предстоящий крестьянский быт.

– Так жили наши предки многие сотни лет, – с гордостью сказал я. – Но не волнуйся, милая. Отец Даниил говорил нам, что в хату проведен водопровод, есть, кажется, бойлер с горячей водой и даже ванна с туалетом. И еще интернет ловит.

– М-да. Надеюсь, печь в нормальном состоянии? Скоро, мука должна прийти...

2. Неприятности на почте

Помню, как с утра палило солнце, и я, надев на себя чистую рубашку из приятного льна, отправился пешком на местную почту. Нужно было оплатить квитанции за свет и воду а заодно получить долгожданную посылку из Москвы, которая так застенчиво и долго шла к нам, петляя по просторам страны, точно запозднившаяся старая дева в дремучем лесу. Со мной в дорогу увязалась на велосипеде Настя, и мы, воодушевленные, по пути любовались еще шикарными грецкими орехами.

Само здание находилось в десяти минутах ходьбы, так что я совсем не предполагал тогда, что наше приключение может затянуться на более длительный срок.

– Оп-с, – услышал я раздосадованный возглас дочери.

Она первой доехала до почты и удивленно пожала плечами.

– Закрыта что ли? – крикнул я, подходя ближе к тяжелому амбарному замку на двери.

Вдруг за нашими спинами раздался скрип колесиков, и когда мы обернулись, то увидели на инвалидной коляске мужика в рваной тельняшке. Создавалось впечатление, что он перед всеми разрывал эту тельняшку, доказывая что-то.

– Сынок, сигаретку... – и для убедительности он показал мне жестом, что хочет курить.

Я хлопнул себя по карманам и подбросил ему на колени нераспечатанную пачку «Парламента».

– А что-нибудь попроще есть, ну там «Беломор» или «Дукат»? – был недоволен он.

– А *cheval donné on ne regarde pas la bouche*, – ответил я по-французски, что означало, что дареному коню в зубы не смотрят.

– Басурман что ли? – враждебно покосился на меня попрошайка.

– Из Москвы мы... из столицы нашей Родины...

– Ага, Родины... видали мы вашу Родину, – и он показал нам кукиш.

– Ты скажи лучше, *mon cher ami*, где почтальонша? – постарался я не замечать эту вопиющую наглость. – Уже как пятнадцать минут десятого..

– Маринка-то? Козу, наверно, доит. Погодь немного, ща подойдет, – и попрошайка благополучно покатылся дальше, а я почувствовал то неприятное чувство, когда вас как будто провели вокруг пальца.

Как назло от досады захотелось курить, но второй пачки Парламента у меня, к сожалению, не было. Чтобы как-то отвлечься, я зашел на детскую площадку, расположенную напротив почты, и покатался на каких-то качелях, вспоминая детство, пока дочка наматывала круги на велосипеде. Редкие хуторяне, проходя мимо, искоса посматривали на меня, будто я попирал их святыню, а одна бабка с хворостиной в руке, гнавшая впереди себя прихрамывающего гуся, даже покачала головой.

– Ну и отъел задище! – фыркнула она, ударив хворостиной нерасторопную птицу, но я воспринял ее замечание на свой счет, и решил сойти с качелей.

Затем от скуки я стал читать объявления на фонарных столбах, медленно обходя их и закинув руки за спину. В основном, на них была реклама комбикорма, а также сообщалось о скупке колхозных паев за «очень дорого». Помню, я еще был недоволен тем, что эти бумажки, потрепанные ветрами и непогодами, сильно портят здешний ландшафт, и что за это даже надо наказывать штрафами. Тогда я еще не знал, что скоро и мое объявление будет висеть на одном из этих столбов, обмотанное для надежности скотчем.

Наконец, какая-то важная тетка в теле проехала мимо на велосипеде, даже не взглянув в нашу сторону. Интуитивно я сразу понял, что это как раз и есть почтальонша Маринка.

– Здравствуйте... – непроизвольно открылся мой рот, потому что я никогда прежде не видел столько безвкусицы.

Во-первых, эти шлепанцы, на ужасный цвет которых обратит внимание любой уважающий себя психиатр. И никакие оправдания, что цвет этот хорошо маскирует навозную жижу, если в нее наступить, не канают. «Ну и что? – скажете Вы, недоумевая. – Чего автор прицепился к этим шлепанцам, какие продавали, такие и купили?!» «Хорошо, – отвечу я на это, – но посмотрите, друзья, как эти пластмассовые тапки дисгармонируют с постоянно сползающими носками, и это в сорокаградусную жару!»

Тем временем, Маринка лихо притормозила у дверей почты, оставив за собой облако пыли, и, как ностальгирующая по большой сцене провинциальная балерина, плавно вынесла ногу через раму велосипеда. Все это надо было видеть. При этом шлепанец, конечно же, спал под действием инерционных сил.

– Ну, чего уставился? – не выдержала мой пристальный взгляд она.

– Нравится, – процедил я сквозь зубы, пытаюсь выдавить из себя улыбку.

– Извращенец что ль... – сказала она кокетливо, просовывая ногу обратно в слетевший шлепанец.

И она была права. Многие отдали бы последний грош за то, чтобы хоть одним глазком взглянуть на это чудо деревенской жизни – с большим трудом натянутые на огромный зад лосины, и потом эта явно мужская майка, позволяющая окружающим определить густоту волосяного покрова в подмышках и количество жирных складок на животе.

– А тьфу ты, черт! Ключи забыла, – вдруг опомнилась Маринка, состряпав отвратительную мину.

Мы еще не успели понять смысл сказанных ею слов, как эта, мягко сказать, странная женщина дернула за замок с такой силой, будто собиралась сорвать дверь с петель. Слава богу, попытка не удалась, иначе бы нам пришлось бы искать ее дурацкие шлепанцы под завалами.

– А ну отвернись, ротозей, а то глаз выколю! И ты, девочка, отвернись, вся в папу!

Я сначала не понял шутки, подумав грешным делом, что Маринка по причине природной своей стыдливости нас стесняется и хочет просто подтянуть свои лосины или, может быть, почесать свой слипшийся от синтетики зад.

– Ну, сколько можно повторять?! У меня ключ кое-где запасной спрятан, – пояснила она.

Мы неохотно зажмурились, и уже скоро услышали, как открывается дверь. Потом нас какие-то неведомые силы подтолкнули в прохладу саманных стен и приказали открыть глаза. Почтальонша с царственным видом сидела за монитором, а я все заинтригованно гадал, откуда же она вытащила свой запасной ключ. Ведь у входа почты не было никакого коврика.

– Ну и денек! – жаловалась она, как ни в чем не бывало. – Голову надо открутить тому, кто придумал работу в субботу.

– Это евреи придумали, – заметил я. – Им в субботу нельзя трудиться по религиозным соображениям, а нам якобы можно.

– Кому это нам? – ухмыльнулась Маринка, перебирая какие-то бумаги у себя на столе.

Я предпочел промолчать, больше не развивая, видимо, опасную в этих краях тему антисемитизма, и какое-то время мы с дочкой просто переминались с ноги на ногу. Меня начинал возмущать тот факт, что эта невозмутимая работница почты не спрашивает у нас цель нашего визита. Как будто мы каждый день к ней ходим за посылками.

– Нам почему-то извещение не пришло, хотя посылка давно у вас, – начал я, нарушая уже начинающее казаться неприличным молчание.

– Да, а с чего ты взял, что посылка пришла?

– По трек-номеру проследил...

– А... по трек-номеру... Понял хоть, что сказал? Ты не в городе там у себя, а на хуторе. А у нас, если нет извещения, нет и посылки.

– Так, где же извещение?

– А я почему знаю? – вылупила свои глазищи почтальонша. – Жди, мож придет!

– Папа, смотри, вон наша посылка! – указала куда-то в угол моя внимательная дочка.

– И верно, наша посылочка, – прочитал я бегло на большой коробке свою фамилию.

– Так это Ваша посылка? Что ж вы раньше не сказали? – удивилась Маринка. – А мы тут голову ломаем, что за ней вот уж неделю никто не ходит. Наверно, Машка моя опять напутала...

Затем она позвонила, очевидно, своей помощнице и с видом сурового босса в двух словах объяснила в трубку ситуацию, потом, очевидно, выслушав какие-то неубедительные объяснения этой самой Машки, снисходительно скривила свое лицо и посмотрела на нас плутовским, не вызывающим доверие взглядом.

– Что же вы меня обманываете? Она клянется, что извещение должно быть у вас на руках. Вашим соседям положили, божится...

– Каким соседям?

– У вас с ними заборы похожие.

– Ну и что похожие? Тут у всех одни и те же заборы, а люди-то разные ... – не понимал я искренно такую логику.

– Люди может и разные, а заборы одинаковые, – передразнила она меня, настаивая на своем. – Так что, вам не передавали извещение?

Дело в том, что заборы на хуторе практически у всех действительно одинаковые, то есть шиферные, и если справа от нас жил пенсионер Владимир Ярославович, с которым мы кое-как общались, то слева соседи были явно нелюдими и только кивали нам через межу, когда мы случайно встречались с ними на грядках. Но после того, как их курица зашла к нам в огород и я прогнал ее, они вообще решили не здороваться.

– Да я их знать не знаю. Коля, что ли? Никто ничего не передавал... – закипел я от возмущения.

– Ну и народец пошел, ну и народец, – покачала головой Марина. – Вот из-за таких сектантов, как они, уже пять лет газ провести не могут.

– А почему Вы их называете сектантами? – удивилась моя дочь, проявляя интерес к беседе.

– Эх, девочка, девочка, а ты видела, что они с птицей вытворяют?

– А что они с птицей вытворяют? – спросил уже я из любопытства. – Вроде нормальные у них куры бегают, даже жирные...

– Вот именно жирные! А их хозяева худые!

– Не понимаю...

– А что тут понимать! – стала объяснять мне как маленькому Маринка. – Вегетарианцы они гребанные, все ждут, когда эти куры у них сами подохнут. Да еще перекармливают, а тут людям есть нечего.

– М-да... – проговорил я, протягивая ей свой паспорт. – Я догадывался, что тут все с головой не дружат, но что б настолько...

Когда Маринка взяла мой паспорт и стала сверять фотографию, меня это даже рассмешило, и я скорчил вполне дебильную рожицу.

– Ну что, похож?

– Ага, похож... – покрутила она пальцем у виска.

– Вы еще в конце пролистайте, сколько раз я женился и сколько детей вписано...

Дочка, прикрыв ладошкой рот, тихо хихикнула.

– Зря хохочешь, девочка, посылку я все равно выдать не могу... – и почтальонша насупила брови.

– Это почему же? – возмутился я. – Вот паспорт, посылка оформлена на меня, в чем дело?

– Потому что у меня там программа!

При слове «программа» мы многозначительно помолчали. Слышно было, как медленно фурычит под ее ногами системный блок. В это время моя дочь пролистывала модные журнальчики на стойке и уже просила меня взглядом, чтобы я их прикупил.

– Ну и что программа? – словно очнулся я. – В чем проблема?

– А то, что мне нужно забить в нее номер телефона адресата. Отправитель этого не сделал.

Я, конечно, понимал, что это все самоуправство на местах, что никто не имеет требовать у меня моих персональных данных, кроме паспорта, но старался вести себя снисходительно и достойно мессии, только что спустившегося на эту погрязшую в грехах землю.

– Место работы, кем работаете? – спросили меня эти заблудившиеся в своем невежестве люди.

– Это еще зачем?

– Отвечай на вопрос, не юли. У меня есть пустая строчка. Ее надо заполнить. Без этого система не пропускает...

– Пишите, тунеядец. Налоги не плачу, – с издевкой ответил я.

– СНИЛС есть? А, это не обязательно... – и почтальонша стала забивать в программу мои данные, что-то ей в них не нравилось, и она постоянно переспрашивала меня.

– Ну, вроде бы все. Диктуй свой номер, красавчик...

– Номер телефона? А шифр от сейфа, где деньги лежат, не надо?

– Шифр пока не требуют. Нужен номер телефона адресата.

Понимая, что без этого дуризма мне сейчас не выдадут посылку, я решил не противиться и продиктовал по памяти номер супруги.

– Сейчас придет СМС для подтверждения с кодом, – потеряла друг о друга ладони почтальонша с видом хакера, собирающегося вскрыть секретную базу данных самого Пентагона.

Но телефона при мне никакого не оказалось. Дело в том, что свой номер я заблокировал по приезду, надеясь погрузиться полностью в среду обитания, чтобы ничто не отвлекало меня от вдохновения.

– Ну и, конечно же, у тебя нет при себе телефона... – съязвила Маринка с издевкой.

– Нету...

– Ну и папа у тебя, девочка! Из-за таких, как он...

– Газ пятый год не проводят... – продолжила ее мысль Настя, рассматривая очередной журнальчик.

– Вот, молодец, догадливая, – обрадовалась Маринка. – Наверно, в маму.

В это время на почту зашел народ, и за нами образовалась давка из желающих оплатить свои квитанции. По понятным причинам мы всех задерживали, так как ожидали мой код подтверждения.

– Все успокаиваемся! Чего галдите, как сороки! Из-за таких как вы... – призывала она к порядку хуторян, тряся над собой моим бедным паспортом.

Так что мне ничего не оставалось, как попросить Настю сгонять домой, чтобы посмотреть пришедшую смс-ку, а она, окрыленная тем, что ей выдался лишний шанс прокатиться на велике, понеслась, крутя педалями, будить маму.

На всякий случай, я вышел на дорогу, чтобы проследить ее путь. На душе скребли кошки. Мне не хотелось будить Катю из-за какой-то ерунды. В кои-то веки она решила выпататься после шитья очередного своего платья. Но ничего не поделаешь. Форс-мажор, как говорится.

3. Как я ждал дочку

Скоро запыхавшаяся дочь вернулась, и еще издали прокричала мне этот проклятый код, отчетливо проговаривая каждую цифру.

– Вот черт! – развела руками почтальонша. – Время ожидания уже вышло. Нужно по новой подтверждать.

Очередь обреченно вздохнула и переключилась на бытовые разговоры.

– Прихожу в сарай, – говорила одна хуторянка с замученным лицом. – Батюшки родные, а там гусята штабелями лежат! Я за мужем в хату. Пока растолкала, приходим, а их и след простыл.

– Это клыса, – закивала головой какая-то бабка, не выговаривающая из-за своей беззубости букву «р». – Ты ей, дочка, в зоомагазине конфетки специальные купи вкусные. Я так своих вывела...

– Да, какая крыса, Матрена Степановна! Птица уже подращенная была, по килограмма два, должно быть, каждая тушка.

– Ну тогда кошка! – предположил усатый мужичок в кепке, по-глупому улынувшись.

– Да какая кошка, дурень! Говорю тебе, каждая тушка по килограмма три живого веса, а гусят штук пятнадцать было...

– Ну значит, несколько кошек, – засмеялся все тот же мужичок.

– Молчи! – обиделась пострадавшая.

– Это Ножик за старое взялся, – вмешалась в спор только что вошедшая на почту худющая тетка в белом халатике. И когда все взгляды были устремлены на нее, она уверенно заморгала. – Ну этот сидевший... на днях вышедший... Я к нему пришла наемни, прививку хотела от туберкулеза впендюрить, а он меня чуть не зарезал, сволочь...

Очевидно, это была местный фельдшер, помешанная на прививках и жутко озлобленная на тех, кто от них отказывается.

– Да, что ты брешешь, Танька! Какой Ножик!? – раздались голоса из толпы.

– Говорю, это Ножик! – настаивала фельдшер, чуть ли не зашипев от злости, точно змея.

– А я говорю, не Ножик! – уперлась в бока пострадавшая. – Ренат (участковый) изучал следы в огороде и сказал, что зверь этот, примерно вот такого роста, но не лиса... Прямоходящий, когтистый и плоскостопие на правой лапе.

– Батюшки, батюшки... – кто-то запричитал в толпе и стал креститься.

– Так ты ему конфетки эти купи, – все заладила Матрена Степановна, известная в округе сторонница всевозможных ядов. – Покидай везде по углам, дочка. Авось окочурится... Я своих клыс всех так повывела... и соседских тоже... Где купить-то? В зоомагазине в станице купи и делов-то... Да вот одна, кажется, завалилась... – и бабушка стала обыскивать себя в поисках отравы.

От этого всего добродушия мне стало в прямом смысле жутковато, и я старался держаться поближе к стойке, с надеждой поглядывая на посылку на коленях современного Печкина.

– Что делать-то? – спросил я похитительницу чужого добра. – Может, свой номер вобьете?

– Ага, нашел дуру! Ты посылку забереешь, а потом скажешь, что не брал, а мне потом отвечать... – возразила почтальонша. – К тому же нужен код подтверждения с того номера, который я уже ввела в программу. Я же его уже вбила, а как поменять, не знаю. Так что давай двигай за телефоном. Другого варианта нет. Видишь, люди ждут.

Люди, действительно, ждали и смотрели на меня с мрачными лицами. Между тем, эта беззубая бабушка шептала им на ухо.

– Говолу, в таких делах только конфетка поможет.

Так что надо было решать возникшую проблему, как можно быстрее.

– Ну что съездишь еще один разок? – обратился я к дочери. – Привези телефон, чтоб сто раз не бегать.

– Угу... – понимающе кивнула она.

Находиться в такой враждебной обстановке было невыносимо, и я вышел на дорогу, где ко мне подъехал на велике Васька со скрученным в рулон поролоном. Как оказалось, поролон ему этот выдала администрация, как социальное пособие официально безработному. Предлагали еще на выбор ватный матрас, но он отказался, заявив: «На кой он мне ватный? Вата слеживается. А вот поролон в хозяйстве везде стодится. Из него губки для мытья посуды даже можно сделать».

Васька был парень неплохой, но ушлый, жуть. Я ему как-то в самом начале нашего приезда помогал с колхозного поля катить колесо прошлогодней соломы. Сейчас мы перекинулись с ним парой фраз, и я у него спросил, расквитался ли он хоть с одним из кредитов, которых он набирал с поразительной легкостью. Он беззаботно рассмеялся в ответ и сказал, что у него на примете есть еще один банк, который закрывает глаза на плохие кредитные истории и раздает всем деньги налево и направо.

– И что, дадут? – удивлялся я тогда.

– Дадут, если я приведу еще такого же клиента. Сам не хочешь попробовать? У них процент небольшой, без поручителя, до миллиона в день обращения...

– Нет уж, спасибо... – вежливо отказался я, чувствуя явный подвох. – Бесплатный сыр только в мышеловке.

– Ну, не хочешь, как хочешь. На жену, наверно, оформлю тогда. Она беременная, один черт, ни черта не делает, – чесал он свой косой подбородок.

Между тем, Настя уже бросила велосипед на обочине и скрылась за деревьями нашего дома. Я вздохнул, примерно прикинув сколько времени еще ее ждать.

Пока мы с Васькой дымили и обсуждали, что хуже слеживается поролон или ватный матрас, к нам подошел белобрысый парень. От него сильно разило дешевой брагой, а на впалой обнаженной груди висела фанерка – «Зарежу недорого».

– Салам, начальник! – прищурил он один глаз, поглядывая пристально на мою рубаху. – Что за кипиш? Дай «сигу».

Я покачал головой и указал взглядом на Ваську, свои-то я уже раздал, и тот угостил белобрысого.

– Душевно, а прикурить? – промычал тот, зажав выпарапанную из пачки сигаретку в зубах.

Васька дал ему и зажигалку, но у закуривающего долго не получалось прикурить, и он попросил кого-то из нас чиркнуть ему. Затянувшись в кулак этот подозрительный парнишка опять прищурился.

– А вы Жучку мою не видели? – спросил он, пошатываясь.

– Да вон она... – показал я на маленькую зашуганную собачонку, которая семенила по асфальту на оторванном поводке.

Парень подозвал ее свистом, но она, напротив, побежала совсем в другую сторону.

– Куда? Куда? – покачал головой он, а потом, махнув рукой, переключил свое вялое внимание на нас.

Помню, как мы немного потрепались о недавно установленной на повороте камере видеонаблюдения. Я возмутился, что на том месте нет предупреждающего знака, а сама дорога так раздолбана, что без заезда через сплошную просто не проедешь.

– Грамотно они все придумали, – согласился со мной Васька. – Я там на велосипеде-то проехать даже не могу.

– Это комерсов будут стричь, а то летают, как угорелые. Меня чуть вот вчера не сбили, – и белобрысый тут же сделал неприличный жест руками проезжающей мимо машине.

В ответ ему просигналили, но не остановились, предпочтя не связываться.

– Клевая рубашечка... – вдруг заметил мою обнову он. – А ты что, кОзак, из Воробьевки? Что-то я тут тебя раньше не видел...

Я попытался объяснить, что раньше все на Руси ходили так, но на меня равнодушно икнули.

– А где же твоя шашка, кОзак? Козак без шашки, что кочет без яиц. Вот смотри, какая у меня шашка! – И он достал из кармана огромный тесак, лезвие которого пугающе блеснуло на солнце.

Мы с Васькой немного опешили от вида холодного оружия, а белобрысый, довольный тем, какое неизгладимое впечатление он производит, хлопнул меня фамильярно по плечу и поплелся дальше своей дорогой.

– Если кого зарезать, обращайтесь... – крикнул он сидящим на лавке у забора бабкам, махая им своим внушительным тесаком, и те дружно закивали головками, как китайские болванчики.

– Вот, блин, зажигалку не вернул! – спохватился Васька. – Знаешь, кто это? Это Ножик, недавно из тюрьмы вернулся. Раньше крал все, что плохо лежит. А сейчас зарабатывает тем, что бабкам козлов режет.

Я тревожно посмотрел вслед недавно освободившемуся из мест не столь отдаленных.

– Ты это, с ним не ругайся, – предупредил меня Васька. – Его не зря Ножиком прозвали. Чуть что, за ножик хватается... И бензокосилку спрячь куда подальше, а то у Людки из восьмидесяти третьего дома уже пропала.

4. Как мы потеряли смартфон

Тем временем, к почте ехал, гудя на всю округу, знакомый фургончик. Дело в том, что на хуторах обычно нет магазина, и каждое утро хлеб развозят всем желающим, кто выходит к дороге, показывая свою заинтересованность. Мы тоже раньше покупали хлеб таким образом. С одной стороны, это очень удобно, хлеб с доставкой, никуда ехать не надо, всегда свежий, бывает даже горячий, а если повезет, то могут попасться вкусные сдобные булочки. Но с другой стороны, к этому надо еще и привыкнуть. Однажды моя супруга увидела, как булочник-водитель выдает нам хлеб теми же руками, которыми и принимает деньги, и пришлось от всего этого отказаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.